

Мать разлучена с дитя, дитя — с матерью, и в белый день, лишенный света, слышен лишь горький плач.

Прежде, когда Наложница Цзин была одна, она вела себя достойно и не теряла благородства, но теперь, ради Лунъюэ, ей поневоле пришлось пуститься в хитросплетения интриг.

В те дни, когда Чжэнь Хуань уходила из дворца для монашеского уединения, Мэйчжуан часто навещала Лунъюэ. Она видела, как нежно Наложница Цзин относится к девочке — казалось, она любит её даже больше, чем родную дочь. Лунъюэ была ещё совсем ребенком, но уже чувствовала тепло и холод человеческих отношений: одна — мнимая мать, что день и ночь была рядом, другая — родная мать, затерянная где-то за дворцовыми стенами. Их связь была очевидна.

Услышав шаги Наложницы Цзин, Су Пэйшэн вздрогнул и торопливо вскочил.

— Раб заслуживает наказания, раб позволил себе лениться!

— Приветствую госпожу! — проговорил Су Пэйшэн, украдкой оглядываясь по сторонам. Очевидно, заметив среди присутствующих Чжэнь Хуань, он искал глазами Цзиньси.

— Император внутри? — Мэйчжуан вспомнила, как в прошлой жизни, подойдя к покоем Наложницы Дуань, она случайно встретила там государя.

— Да, Император навестил Наложницу Дуань! — Су Пэйшэн низко поклонился, не смея поднять глаз на госпожу.

— Значит, мы пришли не вовремя, не будем беспокоить, — закончив фразу, Мэйчжуан двинулась вперед, не желая, чтобы Наложница Цзин заметила вышитый кисет.

Но Наложница Цзин, словно нарочно, завела долгий разговор, обратившись к евнуху:

— Господин Су, вы столько лет прислуживаете Императору, вам бы стоило найти время отдохнуть, иначе как же вы справляетесь?

Су Пэйшэн про себя подумал, что служба при дворе — всё равно что жизнь рядом с тигром. Разве у него есть время на отдых? Император либо занят государственными делами, либо проводит время с наложницами — когда ему самому искать покоя?

— Благодарю госпожу за заботу! — Су Пэйшэн присел в поклоне.

— Ой, господин, вы что-то уронили!

Не успел евнух и глазом моргнуть, как Наложница Цзин опередила его, подняла кисет и принялась внимательно его рассматривать, вертя в руках.

— Это напоминает мне времена, когда Наложница Сян была искусна в плетении узлов, но даже её работа не была столь изящна. Это мастерство очень похоже на почерк Цзиньси! — Она на секунду замолчала и добавила: — Ах да, Цзиньси же здесь нет.

С этими словами Наложница Цзин вернула кисет Су Пэйшэну.

— Береги его, — произнесла она с многозначительным подтекстом.

Мэйчжуан взглянула на Чжэнь Хуань. Та знала о связи Цзиньси и Су Пэйшэна и понимала, что Цзиньси пошла на такой риск лишь ради неё. Чжэнь Хуань лишь молча улыбнулась.

— Благодарю госпожу! — Су Пэйшэн спрятал кисет за пазуху.

— Пойдемте, раз Император у Наложницы Дуань, не будем мешать. Я, кажется, много ходила и очень устала, пора возвращаться в Павильон Разбитого Нефрита отдыхать, — сказала Мэйчжуан.

— Сестрица Мэй, беременность тебя совсем изнурила. Возвращайся, а я позже велю принести тебе в покои пирожные с пюре из мармелада, — отозвалась Чжэнь Хуань.

— Хорошо.

Цайюэ подхватила Мэйчжуан под руку, и они направились в сторону Павильона Разбитого Нефрита. Мэйчжуан беспокоилась, что всё ещё может обернуться бедой, хотя в прошлой жизни всё обошлось. Она надеялась, что сегодня её вмешательство поможет Хуань-эр.

— Госпожа, пожаловала Наложница Ань!

Мэйчжуан только подумала о том, что Ань Линжун должна была прийти сегодня, как та уже появилась на пороге.

— Поздно я заявила, не помешала сестрице?

Мэйчжуан подумала: помешала или нет, ты ведь уже здесь. Иногда ей становилось жаль Ань Линжун: все уже давно знали её истинное лицо, но она продолжала разыгрывать добродетель перед ними, а затем бежала к Императрице строить козни. Жить такой двойной жизнью —

тяжкий труд.

— Не говори глупостей о том, помешала или нет. Раз пришла, значит, не помешала. Мы же сестры, к чему эта холодность?

Услышав эти слова, Ань Линжун похолодела, но тут же натянула на лицо мягкую улыбку:

— Слышала, что сестрица в положении, вот и пришла поздравить. Надеюсь, ты не в обиде, что я пришла без приглашения?

— Сестрица Ань, зачем ты так говоришь? Как мне отвечать на это — сердиться или нет? Не стоит постоянно так принижать себя, твои слова ранят не только тебя, но и другим неприятны.

Ань Линжун привыкла к таким колкостям. Она знала, что Мэйчжуан всегда была прямолинейной. Если бы не её вмешательство в прошлом, разве стала бы она такой чужой для Чжэнь Хуань?

<http://bllate.org/book/18472/1771721>